

Юлиан ПАНИЧ: «В России теперь нужно жить долго»

Московские новости. - 1993. - 17 янв. - с. 14 В

Тема «русского зарубежья» для нашего телеэкрана в общем-то не нова. Были передачи о князьях и графинях, о Растроповиче, Аксенове, Бродском и Солженицыне.

Были и о людях попроще. И Брайтон-бич мы уже видели-перевидели, и чикагских русских таксистов, и «наполовину наш народ» в Тель-Авиве. Как живут, чем и сколько зарабатывают уже знаем. И все же фильм Юлиана Панича «Долгая дорога домой» (две его серии шли по 1-му каналу «Останкино» летом, 3-я — в декабре и 4-я — **20 ЯНВАРЯ В 23.00**) — открытие темы. Потому что Панич, чей голос так хорошо знают слушатели радио «Свобода», рассказывает не только и не столько об эмиграции и эмигрантах. Он — о возможности начать жизнь с нуля, воспользоваться своим шансом и выиграть. И неважно где — в США, в Германии или в России. Недавняя листовская «Тема», посвященная закону о въезде и выезде, увидела главную проблему отъезжающего в остающихся для нас трудностях получения виз. По мнению же Панича, то понятие эмиграции, которое связывалось с паспортными трудностями, борьбой и сжиганием мостов уже не существует. Значит, нынешним отъезжающим все-таки легче? — вопрос Юлиану Паничу.

— Нет, может быть, даже сложнее. Впервые, нет внутреннего оправдания. Раньше человек, ехавший за колбасой, говорил, что его выгнал КГБ. Отъезд сопровождался такой массой сложностей — от паспортных до лишения гражданства, — что для многих эмиграция становилась самой высокой точкой духовной жизни, после которой начиналось стремительное падение. Кто-то пытался играть на разнице в информации.

На этот счет в Германии еще давно была карикатура: за берлинской стеной стоит маленькая такса, которая говорит громадной овчарке: «Почему никто не верит, что там, на Востоке, я была большим Догом?» А российская действительность всегда позволяла нам думать о себе больше, чем мы того стоили. К тому же многие очень крепкими путями были привязаны к режиму, от которого бежали. Я, например, всегда полагал, что карьеризм и интриганство — черта исключительно партийного клана. И вдруг в Германии, даже у нас на «Свободе», я увидел все это у простых евреев и русских и поразился, зачем они уехали, почему не сделали карьеру в СССР?

Вторая колоссальная сложность в том, что за последнее время на Западе очень возрос уровень требований к человеку — и как к работнику, и как к личности. Сегодня, чтобы зацепиться, надо вскакивать не на первую, а на пятую ступеньку поезда. Вот Аргентина предлагает осваивать прерии — это совсем не то же самое, что пить кофе в Буэнос-Айресе.

— Каким бы были сегодня лично вы, если бы не уехали двадцать лет назад?

— Меня бы просто не было. Я бы умер. От страха и болезней. Наверное, я же лудком воспринимал поправление моих элементарных прав. Но я никогда не считал свой отъезд героизмом. Это была просто здоровая реакция. Я боялся стать рабом дурного режима.

— Но многие мои соотечественники и сегодня страдают от унижений. Например, от того, что вся зарплата уходит на колбасу и хлеб.

— Я тоже многого сегодня не понимаю. Москва напоминает картину Оскара Рабина: обрызженная селедками, какие-то банки, коробки. Страшная грязь и запустение. Но все-таки приходится в отчаяние, обижаться — проще всего. Нашему российскому человеку вообще присуще нытье. Западное «все о'кей» — это не просто форма, это внутренний аккумулятор. Занять и опуститься — так произошло с доктором Живаго и со всем поколением наших интеллигентных отцов. Пока они ныли, другие, подлецы, заняли их место в социуме.

— Значит ли это, что лично вы сегодня не уехали бы?

— Ни за что. В этой жизни я бы уже нашел лазейку, в которой я не был бы ни бедным, ни обиженным. Да я даже в свои 62 года пытаюсь начать жить здесь. Теперь Россия больше похожа на другие страны. Мне мои друзья говорят: нувориши — это кошмар, нищие — это ужас, мерседесы рядом с калечками — это непереносимо. Все верно. Но так живет множество устоявшихся и вполне благополучных стран. В Аргентине я недавно разговаривал с таксистом, который подвозил меня на «Москвиче». Машина ему нравится, но ее еще нужно выплачивать — вот он и работает, как вол. С 8 до 14 — печатником в типографии, а потом до позднего вечера — таксистом и еще три раза в неделю — ночью — вахтером. Я ему говорю: «Да что же это у вас за кошмарная жизнь!» А он: «Что кошмарного? У меня собственный дом, трое детей и замечательные перспективы: я выкуплю эту машину, куплю другую и когда-нибудь уже не буду работать по ночам». А мы хотим все сразу.

— То есть вы теперь вообще не советуете уезжать из России?

— Да нет, кто хочет, пусть едет. Я вообще не люблю давать советы. И свой фильм я снял не ради советов, а просто, чтобы поделиться своим личным опытом и опытом близких мне людей.

Расскажу вам о своем сыне. Мы с женой очень хотели дать ему серьезное образование. Поэтому, когда чуть-чуть устроились на Западе — в Америке, решили послать его в Англию в школу закрытого типа, на оплату которой уходила половина заработка. Когда мы привезли его в эту школу, нам стало худо: спальни никогда не отапливались, подъем в шесть утра, обливание холодной водой и молитва. И все только по-английски, и никому не скажешь: «А помнишь?» И не прижаться к теплой ласко-

вой маме. И тогда мы купили ему обратный билет с открытой датой вылета и сказали: если тебе будет плохо, возвращайся обратно, к маме, в американскую школу, где можно с утра до вечера играть в пинг-понг. Он не приехал, даже на каникулы. Ему было 13 лет. Потом мы узнали, чего ему все это стоило, как он жил, сжав зубы, пока не научился говорить по-английски с англичанами, пока не полюбил обливаться холодной водой по утрам и не понял, что молитва — это концентрация перед рабочим днем. Я это все к чему? Бросьте вы здесь относиться к отъездам так преувеличенно, перестаньте навеки прощаться с теми, кто уезжает, тем более с вашими детьми, вообще забудьте слово «эмиграция». Любому человеку должен иметь право поехать и вернуться. Нельзя забирать у него документы, загонять в угол, ему самому не нужно продавать жилье и сжигать мосты. Лучше всегда иметь обратный билет — потому что судьба может сложиться по-разному.

— Вот именно. Но вы в вашем фильме в основном рассказали о людях, которые на Западе все-таки добились успеха.

— Но ведь это не только выходцы из бывшего СССР. Это французы, восточные немцы, турки. Их объединяет то, что они сумели начать жизнь сначала, с позиции нуля. Я знаю немало выходцев из СССР, жизнь которых ни в США, ни в Германии не сложилась. Многим было противопоказано ехать по их психофизическому складу. Но, с другой стороны, и здесь, в России, тысячи людей, оставшихся в своих старых квартирах, сегодня оказались не у дел. Что же касается героев моего фильма, то все они имели руки и ноги и были готовы, отбросив все свои амбиции, просто работать. Когда-то известная у нас певица Лариса Мондрус стала в Германии владелицей обувного магазина. Это плата за тот красивый и теплый дом, который они с мужем построили. То есть они стали относиться к работе не как к служению или миссии, а как к работе — не больше, но и не меньше. Они научились тому, чего многие здесь не имеют — ответственности за свою жизнь. Такие люди всегда выживают на Западе. Но все дело в том, что сегодня они выжили и в России.

— То есть вы хотите сказать, что и в России сегодня надо попытаться жить сначала?

— Абсолютно точно. И надо перестать клеивать дырки пластырем. Сегодня в России уже можно настраивать себя на долгую жизнь. Своим фильмом я хотел сказать российскому зрителю: опомнитесь, вы не лучше и не хуже, чем люди, и у вас нормальные человеческие испытания. Долгая дорога домой — это в конце концов дорога к себе.

Интервью взяла
Елена ЧЕКАЛОВА